Кадетская история

Андрей Коренев

SHOUT
SHARE
IT

- Коренев Андрей

Коренев Андрей
Кадетская история

— Андрей, вот тебе на всякий случай десять рублей, только спрячь подальше, а то украдут, — совала в карман бумажную купюру мама.

— Мам, не надо ничего, — попытался отказаться я, — кормить нас будут, дорога бесплатно…

— Ничего, лишними не будут, и на всякую ерунду не трать, — наставляла та, — телеграмму не забудь отправить, когда доедете.

— Коренев! — окликнул нас назначенный для сопровождения в Красноярск прапорщик из городского военкомата, — Хватит прощаться, давай в вагон!

— Ну, все, сынуля, — чмокнула в щеку мама, — будь умницей, удачи…

Я подхватил небольшой чемоданчик и запрыгнул в вагон. Поезд тронулся, унося меня в неизвестность, и я, подбадривающе глядя на маму, у которой глаза были на мокром месте, махал ей рукой. Впереди был Красноярск, а затем еще несколько дней пути до Уссурийска, который находился недалеко от Владивостока. А там или пан, или пропал. Или я сдам вступительные экзамены и поступлю в Уссурийское суворовское военное училище, или придется бесславно возвращаться домой. Еще никогда мне не доводилось уезжать из дома так далеко, в то же время неизвестность манила, и притягивала своей таинственностью и открывающимися горизонтами. Нас пятеро из области, кому посчастливилось попасть в число абитуриентов, из райцентра едет Карамышев Володя, и мы — четверо пацанов из города…

Всех школьников, которые прошли медкомиссии и профессиональный отбор на право поступления в суворовское военное училище в городе Уссурийске, собрали в Красноярском краевом военкомате. Мы с интересом приглядывались друг к другу, расспрашивая, откуда кто приехал. Были мальчишки практически со всего края, от южного Минусинска до северной Дудинки. Большинство мечтало продолжить дело своих отцов-офицеров, часть заболела военной романтикой из книг и фильмов про войну, и все были влюблены в фильм про суворовцев «Алые погоны», который каждый знал наизусть. Нас завели и рассадили в огромном учебном классе.

— Ну что, романтики военной прозы, — обратился к будущим абитуриентам заместитель военкома, — все готовы

отправиться за тридевять земель в славный город Уссурийск, или кто-нибудь уже передумал?

Все заулыбались — еще чего, отказаться от мечты всей своей «огромной» жизни? Не дождетесь, товарищ подполковник!

— По глазам вижу — никто, — кивнул офицер, — но еще раз напомню, что выпускники Уссурийского суворовского военного училища в основном пополняют ряды курсантов военных училищ Дальнего Востока, и свою офицерскую службу проходят там же. А служить на Востоке, тем более Дальнем, не так просто. Многие из вас, кто поступит, начнут изучать китайский язык уже в суворовском училище. И могут считать, что пожизненная служба на границе с Китаем вам обеспечена. А это — далекие гарнизоны в дальневосточной тайге, монгольской пустыне и забайкальских степях…

Все напряженно молчали. Что говорить? Все давно и бесповоротно решено в душе и сердце. Выбор окончателен — служба Отчизне! И если Родине надо, мы готовы служить ей в тайге, пустыне, на севере, в горах. У многих мгновенно в памяти всплыла фраза из кинофильма «Офицеры» — «Есть такая профессия — Родину защищать!». Так что не надо пугать нас, товарищ подполковник…

— И небольшой сюрприз! — вдруг улыбнулся тот, — Мы пригласили для встречи с вами выпускника Уссурийского суворовского военного училища этого года, которому вы можете задать вопросы, а он постарается удовлетворить ваше любопытство. Шарапов, заходи!

Боковая дверь распахнулась, и в класс вошел настоящий суворовец! В форме! Которую все видели в живую и вблизи первый раз в жизни! Вошедший юноша был среднего роста, строен и подтянут, гибкая талия перехвачена черным солдатским ремнем, на лице выделялись умные и живые глаза, смотревшие на нас насмешливо и озорно. Черная форма наглажена, и как прекрасно смотрелись красные лампасы и столь желанные алые погоны, о которых все мы мечтали!

Суворовец улыбнулся, снял фуражку, в руках у него был альбом и поздоровался:

— Здравствуйте! Знаете, я долго думал, что вам рассказать о суворовском училище, но так ничего и не надумал… Не потому, что нечего… Потому что невозможно рассказать за столь короткое время о двух годах жизни. Потому что они вместили в себя слишком много, они стали моим духовным стержнем на всю будущую жизнь. Это огромная школа, воспитание в которой идет ежесекундно, порою жестко, порою буднично, но все устремления в ней направлены на формирование настоящего мужского

характера, опирающегося на три слова — честь, дружба, Родина! Причем личная честь и дружба нашего братства подчинена одной цели — служению России… По крайней мере, мои бывшие одноклассники меня не понимают, считая, что я вычеркнул из жизни два самых лучших года. Но они не представляют, что приобрел я… Я узнал цену настоящей дружбы, юношеский максимализм сформировал четкие и ясные понятия о чести и долге, я приобрел таких друзей, каких не купишь ни за какие деньги. Мы все максималисты, весь мир поделен для нас на два цвета — черный и белый. Для нас нет полутонов. Весь мир поделен на две части — хорошее и плохое, дружбу и предательство, отвагу и трусость, честь и подлость, бескорыстность и продажность… Легко делиться пирожком или теплой курткой дома, когда у тебя еще целая куча есть, совсем другое дело, когда ты отдаешь последнее своему товарищу, которому труднее, чем тебе, тем самым лишая себя каких-то благ ради друга. В общем, это невозможно объяснить… Потому посмотрите мой альбом, а я постараюсь ответить на ваши вопросы.

Мы, ничего толком не поняв из его слишком заумной для нас речи, с восторгом и завистью разглядывали фотографии и задавали вопросы. Выяснилось, что на каждом курсе три роты, в каждой из которых обучается около ста суворовцев, в одной из рот изучают китайский язык, а в двух других — английский, но жестких ограничений нет, и в зависимости от результатов учебы после окончания суворовского училища можно будет выбрать практически любое военное училище в стране. Так что не все было так страшно, как описывал заместитель военкома…

* * *

Волнующее душу чувство собственной самостоятельности, значимости, отсутствие родительского контроля и строгий голос сопровождающего офицера. Романтика! Но чем дальше уносил нас от родного дома поезд, тем больший страх и переживания грызли изнутри.

Ох, эта дорога на поезде через полстраны… Ох, уж эти красоты родной страны, разглядывать которые через окно вагона на четвертые сутки надоело до чертиков… Когда от жесткой лавки плацкартного вагона болят бока… Когда не знаешь, что тебя ожидает в конце пути…

И потому все радостно встрепенулись, когда дали команду — приехали, на выход. Дальше — автобусом…

Автобус остановился перед высокой красивой старинной аркой, окрашенной в желтый цвет.

— Ну вот, эта альма-матер для кого-то станет домом на два года, — пояснил сопровождающий офицер, а наши глаза жадно оглядывали все, что видели. Мы прошли через главные ворота, и нас подвели к двухэтажной казарме из красного кирпича, архитектура которой явно свидетельствовала о еще царских временах.

Перед входом в нее стайками сидели мальчишки, с интересом разглядывая вновь прибывших.

— Пацаны! Откуда?

— Из Красноярского края! А вы?

— Находка!

— А мы из Владика!

— С Иркутска! Соседи ваши! Будем знакомы!

В казарме мы с Карамышевым заняли места рядом друг с другом, получили постельное белье, заправили кровати, засунули под них свои чемоданчики и переглянулись.

— Ну что? Пойдем с пацанами знакомиться? — кивнул в сторону выхода Володя.

— Пойдем, — согласился я.

Перед казармой на другой стороне тротуара располагался спортивный городок, где кучками сидели мальчишки. Переглянувшись, мы с Карамышевым направились к самой большой, в центре который сидел парень, немного старше всех нас, но прочно завладевший вниманием окружающих. На нем была одета грязная майка и спортивные штаны, руки от плеч до кончиков пальцев украшали зэковские наколки.

— Как приедут кадеты, вам мондец полный придет, — продолжал рассказывать тот.

— Какие кадеты? — недоуменно переспросил рыжий лопоухий парень.

— Ты че? Тупой такой? Я же говорил — суворовцы! Они так себя называют. Кадетами. И мы их так называем. А они нас шпаками! Ха-ха! Мы с ними постоянно деремся. Как поймаем — бьем. Они нас поймают — тоже бьют. Так вот, когда они приедут, вам крышка! Они вас тоже будут бить!

— За что? — поразился рыжий.

— Да ни за что, — отмахнулся парень, — они себя «старичками» называют, а вы «мальчиками» будете называться. Вы должны их во всем слушаться, а они будут вас лупить где угодно, и когда захотят. Чтобы кадет из вас сделать. Не любят они маменькиных сынков…

— Врешь! — не поверил коренастый мальчишка с Находки, —

Я себя в обиду не дам! Любому сдачи дам!

— Вот приедут, узнаешь, — усмехнулся рассказчик, — их на втором курсе триста человек, и знаешь, какие они дружные?! Кто их товарища тронет — тому кранты! А вы не дружные. Они и будут вас воспитывать. И тебя толпой затопчут.

— Не затопчут, — захорохорился находкинский.

Парень усмехнулся и презрительно сплюнул сквозь гнилые зубы.

— Ты, это! У тебя рубашка клевая, — кивнул он рыжему пацану, — слушай, она тебе не нужна, вас все равно переоденут, и не разрешат носить гражданские вещи. Подари!

Рыжий неуверенно оглянулся на других, словно спрашивая, дарить, или нет, но все от наглости парня опешили, и молча отводили взгляды.

— Я, шаришь, только из малолетки откинулся, — продолжал наезжать тот, — сам посмотри, одеть нечего, родителей нету…

— А вдруг, не поступит, — вклинился Карамышев.

— Да поступит, ты че?! В натуре! Думаешь, зря вас в такую даль привезли? Если сюда попал — считай, что поступил!

— Нет, — покраснел рыжий, — мне носить больше нечего…

— Ну ладно, — поднялся со скамейки «уркаган» и презрительно сплюнул ему под ноги, — как хочешь, попер я, покедова…

Абитуриенты молчали, пытаясь переварить полученную информацию.

— Врет он, — сказал Карамышев, когда тот отошел подальше.

— У меня брат старший — кадет, — покачал головой пацан из Владивостока, — Два года назад окончил Уссурийскую кадетку, а сейчас в Благовещенске, в танковом училище учится. Он тоже про это рассказывал. А таких, как этот, действительно шпаками называют. Вон там, за забором — кадетский парк, где постоянно стычки с ними происходят.

— Да постоим мы за себя, нам только вместе надо держаться! — возмутился находкинский.

Мы долго обсуждали услышанное и строили планы, как будем противостоять старшекурсникам, чтобы не дать себя в обиду…

* * *

На следующий день началась подготовка к экзаменам. Учебники, учебники и учебники. Билеты, вопросы, конспекты… Мы зубрили теоремы, правила, законы физики, от чего пухла и

начинала с трудом соображать голова. В эти моменты пацаны откладывали книги в сторону и шли на спортивный городок. Потягивались, отжимались, качали пресс, и когда мышцы переставали слушаться — возвращались к экзаменационной подготовке.

Я, как лежал с учебником по физике, так и прикорнул, как из забытья меня вырвал крик:

— Шпаки наших бьют!

Когда подскочил, то увидел, как Карамышев показывает рукой за казарму и поясняет:

— Тот, в наколках, рыжего за казарму повел, чтобы одежду отобрать!

Пацаны мгновенно подорвались и кинулись туда. Рыжий сопротивлялся и пытался отбиться от троих отморозков, но те повалили его на землю, двое держали, а третий пытался расстегнуть и стащить рубашку с абитуриента.

— Вон они! — радостно заорали пацаны, рванув на выручку товарищу. Шпаки, увидев несущуюся и орущую толпу, готовую разорвать их на части, бросили жертву и кинулись наутек.

— А ты молодец, молоток! — похвалил рыжего Олег из Находки, — Только зачем ты с ними сюда пошел?

— Да он один был, — вытирая с разбитого лица кровь, пояснил рыжий, — говорит, пойдем, поговорить надо…

— А ты уши и развесил, — засмеялся Олег, — ладно, всем наука будет, чтобы держаться вместе… Так что, пацаны, давайте договоримся, что никто со шпаками больше не общается, а если они снова появятся, то отлупим их так, чтобы забыли дорогу сюда!

* * *

Этого момента все ждали с нетерпением и страхом. Когда после каждого экзамена вывешивают списки с указанием результатов. Когда кто-то находит себя в списке выбывших… И плачут мальчишки. Конец мечте всего детства…

— Прощайте, пацаны! Все равно я буду офицером! Так что еще свидимся!

— Прощай! Удачи…

Последний экзамен — последний список. Ур-ра! Поступил! Телеграмма маме: «Поступил!».

— Коренев!

— Здеся…

— Не здеся, а надо отвечать — я! — сердито поправляет

старшина четвертой роты прапорщик Шарапов, — Твоя кровать — вот, получи постельное белье, одеяло, обмундирование, сапоги, подшивочный материал…

— Карамышев!

— Я! — самодовольно улыбается тот, оглядываясь на меня.

— Получай…

Да как же пришить такие плотные погоны? Их и иголкой не проколешь? Ага, надо чем-нибудь давить… Наконец-то, пришил! Три иголки сломал! С нетерпением надеваю китель, с гордостью подхожу к зеркалу. И чуть не плачу от обиды — столько усилий, и все зря?!.. Один погон явно закошен назад. Снова иголки, нитки…

Как все-таки здорово, что мы вдвоем с Карамышевым попали не только в одну роту, но и в один взвод! Четвертый взвод четвертой роты! Рота занимает половину двухэтажного корпуса, который в царские времена являлся не чем иным, как конюшней, о чем свидетельствует силуэт когда-то огромных ворот, впоследствии заложенный кирпичом. На первом этаже расположены спальное помещение, умывальник, туалет, каптерка, бытовая комната. На втором — канцелярии офицеров роты и учебные классы на каждый взвод. Широкий холл на втором этаже является одновременно и местом проведения собраний роты. На стенах висят плакаты с портретами видных военачальников, руководства страны, но на самом центральном месте — Суворов!

Мы заворожено перечитываем титулы великого полководца — Рымникский, светлейший князь Италийский, граф Российской и Римской империи, генералиссимус российских сухопутных и морских сил, фельдмаршал австрийских и сардинских войск, сардинского королевства гранд и принц королевской крови. А в соотношение потерь в италийской компании вообще не верится. На семьдесят пять убитых врагов приходился убитым только один русский солдат!

Образованность Александра Васильевича поражает. Прекрасно владел математикой, отлично знал военную историю, изучил семь иностранных языков! И за всю свою жизнь не проиграл ни одного сражения!.. И заворожено переписываем в свои записные книжечки девизы великого полководца: «Русские не сдаются!», «Русские не отступают!», «Победи себя, будешь непобедим!».

Командир взвода майор Руденков собрал взвод в учебном классе и доброжелательно посмотрел нам в глаза:

— Да, нелегкую вы себе выбрали жизнь, — и тоскливо вздохнул, — я в Ленинграде в военном училище учился, с балериной дружил… Нравились друг другу, а вот вместе — не судьба… Вся служба по дальним гарнизонам, то на Севере, то в

тайге… Что я ей мог предложить? Бросить искусство? Так вот и расстались. Не пугаю вас, просто хочу, чтобы каждый знал, что может ожидать в будущем…

На этом добрые слова закончились. Начался курс молодого бойца. Самым легким были кроссы и занятия на спортивном городке. Но почему-то главное внимание отдавалось офицерами строевой подготовке.

— Делай р-раз! Так, держим ногу, держим! Суворовец Ветошкин, выше ногу, расстояние до земли должно быть тридцать пять-сорок сантиметров! Делай два! Плечи шире! Хилев! Куда подбородок опустил, выше, еще выше! Во-от! Молодец!

И кружится голова от палящего дальневосточного солнца. И стягивает мышцы ног от перенапряжения.

— Носок тянуть вперед! Сильнее! Выше ноги подняли! Коренев, чего сгорбился? Еще распрямись!

Да зачем же я вообще на свет народился?… Сжаты зубы — не сдаться, не сломаться…

Облегчение — только вечером, когда снимешь с уставших ног сапоги, с грустью посмотришь на свои мозоли, развесишь на табурете такие запашистые портянки… А ответственному по роте командиру первого взвода майору Слаквичеву все неймется.

— Рота! Строится! Товарищи суворовцы, долго. Разойдись! Строиться! Разойдись! Строиться!

Наконец-то угодили!

— Отбой! — какое волшебное слово.

— Подъем! — да что же еще?

— Товарищи суворовцы! Вы должны за сорок пять секунд раздеться, заправить обмундирование, и замереть в постели под одеялом! Отбой!

— Подъем! Отбой! Подъем! Отбой!

Наконец-то уложились… Сон. В сон проваливаешься, как в болото. Хроническое недосыпание, первые наряды по роте и первые наказания.

— Суворовец Коренев! Почему спите?

Я вытягиваюсь инстинктивно в струнку, но сразу спросонья не могу вспомнить, кто я, где я, и почему на меня орет какой-то офицер. Наконец с ужасом понимаю, что я, суворовец Коренев, будучи дневальным по роте, заснул возле так называемой тумбочки «дневального» глубокой ночью. Позор! А ответственный по роте майор Кулебов продолжает читать нотации:

— Вы что, хотите, чтобы ваших товарищей, которые надеются на вас, вырезали враги?! Вам доводили, как на границе с Китаем вырезали целую казарму? Так же дневальный уснул!

Позор и стыд разрывает меня изнутри, я чуть не плачу,

сдерживая себя из последних сил. И прикорнул-то на три минуты, привалившись спиной на стену…

— Суворовец Коренев! Три наряда вне очереди!

— Есть три наряда вне очереди!

Я же не специально! Я просто устал! Обида стоит в горле, так хочется кому-нибудь пожаловаться, но не кому. Не верится, что еще два месяца назад я и представления не имел про армию, что никто мною не командовал и не заставлял соблюдать какие-то глупые военные правила. Но я не сдамся! Держаться! Только держаться!

Во время подготовки класса к учебному году на обратной стороне классной доски нашли послание к нам от предыдущих выпусков. В нем же были перечислены прозвища офицеров. Командир первого взвода майор Слаквичев — Череп. Ух, ты, как точно! Голова с огромной залысиной, на теле ни единого грамма жира, с торса можно скульптуру лепить, до чего же оно совершенно. Командир второго взвода майор Кулебов — Кот. Действительно! Походка мягкая, движения плавные, кошачьи, когда недоволен, усы топорщатся, как у кота. Командир третьего взвода майор Дмитриев — Пиночет. Самая легендарная и одиозная личность, которую знают и помнят все кадеты. В своих темных очках, которые практически никогда не снимает — исключительно похож на знаменитого диктатора. Командир четвертого взвода майор Руденков был удостоен прозвища Таракан. Суворовцы засмеялись. Руденков был невысокого роста, коренаст, имел усы, и трудно было подобрать более меткую характеристику внешности.

Обучение строевой подготовке проходило в несколько этапов. Сначала азы под счет «Делай раз, делай два!». По мере подготовленности муштра перешла в этап передвижения на четыре счета под бой большого барабана. Параллельно начали пытаться передвигаться строем, повзводно. И, наконец, после месяца беспрерывных тренировок, нас построили для прохождения торжественным маршем под оркестр. Повзводно все давно отрепетировано, но в составе курса еще не проходили ни разу, тем более под оркестр.

— Товарищи суворовцы! — успокаивает нас командир роты подполковник Радченко, — Самое главное, чтобы вы не зачастили и не побежали! На музыку внимания не обращайте, а самое главное — слушайте удар большого барабана. Удар барабана — удар левой ногой! Слушайте такт!

Напряжение овладевает всем телом. Страшно подвести своих товарищей, своих командиров, сбить шаг строя, не удержать равнения. Только бы не ошибиться…

— Р-р-авня-айсь! Смирр-на! К таржествен-наму маршу! Па-а-взводна! Дистанция десять шагов! Управление пр-ряма! Остальные напр-ра-а-во! Шага-а-м! Марш!!!

Все! Вперед! Ударил по нервам знакомый военный марш! Но что происходит? Знакомая с детства по фильмам и радио мелодия что-то рвет в душе и сердце!!! Что происходит? Почему вслед за звуками марша дрожит от изумления душа?! Почему знакомая с детства мелодия звучит по-другому? Почему совершенно явственно я чувствую взгляды моей мамы, бабушки и сестры?! Они же за тысячи километров от меня?! Почему чувствую их боль и переживания за меня?! Звуки марша зовут на подвиг, гордость за Россию и за армию наполняет меня, и вдруг, совершенно отчетливо я осознаю, что стою в армейском строю, что я — солдат России, что я — готов отдать за нее свою жизнь, что рядом со мной стоят такие же солдаты Отчизны, и все мы, идущие в строю — ее сыны… И я не должен подвести Родину, маму, бабушку, сестру… Только победа… или смерть… Но не позор!!! У меня возникло чувство личной причастности ко всему вокруг, ответственность за Родину и чувство бессмертия, когда за благородное дело не страшно и погибнуть.

— Товарищ майор! Что за музыка играла, когда мы проходили торжественным маршем? — всех без исключения интересует этот вопрос.

— Музыка? — улыбается командир взвода, — Это называется военный марш. Марш «Прощание славянки». Зацепило? Написал композитор Василий Агапкин в 1912 году. С тех пор беспрерывно звучит в России наравне со свадебным маршем Мендельсона и похоронным — Шопена. Три марша — свадьба, прощание и похороны… Россия всегда кого-нибудь провожает, в основном — на войну…

Да! Да! Да! Только так и не иначе! Только — прощание славянки! Прощание русской женщины со своим отцом, мужем, сыном! Потому я чувствовал взгляды своих родных! Теперь мне стала ясна моя судьба — и ни каких сомнений!

* * *

— Второй курс после отпуска приехал!

— Где?

— Вон, два кадета стоят, ищут своих, из Находки!

— Олег, иди сюда, тебя спрашивают!

Только увидев второкурсников, я почувствовал свою неполноценность. Как получили черную суворовскую форму,

нашили алые погоны, так казались себе настоящими суворовцами, а как увидели старших кадет, так сразу бросилось в глаза, что погоны у нас, у молодых, пришиты криво, форма топорщится, осанки нет… А «старички», всего на год старше нас, выглядели, словно сошедшие с картинки. Еще больший шок все испытали на утренней зарядке, когда две колонны суворовцев пробегали навстречу друг другу. Навстречу нашему тяжело бегущему не в ногу строю в едином ритме легким шагом бежали старшие кадеты! Это было само совершенство! Мы почувствовала себя убогими на фоне загорелых, подтянутых, мускулистых старшекурсников, только прибывших из летних отпусков… Неужели они всего на один год старше нас? Неужели мы можем стать такими же?

С прибытием старших кадет начался террор. Свободно ходить по училищу — опасно. Территориально и негласно училище разделилось как бы на две части: на одной расположено три казармы первого курса, на другой половине — казармы второго курса, а границей между ними служит училищный стадион.

Тренчики с ремней отбирали сразу, «мальчики» были лишены этого права, зато у «старичков» носить по несколько тренчиков — считалось шиком. Когда «мальчики» в колонну по одному заходят в учебный корпус и идут по лестнице или по коридору в класс, если там нет офицера или учителя, «старички» играют в интересную игру. Стоя вдоль стен коридора с обеих сторон, они пытаются посильнее приложиться молодежи под дых, или попасть ногой мальчику под зад. А тот должен увернуться, если сможет. В общем, жизнь стала «интересной» и напряженной, полной тягот и лишений «военной службы».

Почти у всех «мальчиков» нашлись свои «старички», которые, когда оказывались рядом, всегда защищали своих молодых земляков. Правда, дух землячества у тех, кто проживал дальше, возрастал пропорционально удаленности от училища. Чем дальше живешь от училища, тем дружнее твое землячество. Потому наиболее дружными оказались красноярцы, иркутяне, читинцы…

Порой физическое рукоприкладство проявлялось в виде кровоподтеков и ссадин, но как ни пытали офицеры первокурсников, никто и никогда не сознался, что его ударил «старик». Стукачество на своих кадет считалось одним из наиболее страшных грехов, и каждый знал, что после доноса его ждет презрение и ненависть всех кадет, включая и товарищей-первокурсников, что ему будут созданы невыносимые условия для жизни, что он никогда не оденет кадетского краба. И каждый из молодых кадет знал, что за стенами училища любой из

«стариков» придет при необходимости к нему на выручку, никогда не ударит и не унизит. Потому что в училище — это одно, старший и младший, а за стенами училища — они равны, они оба кадета.

Но в душе каждого жила гордость. Обособленность от своих семей, новые правила поведения, трудности военной жизни — резко усиливали юношеский максимализм и толкали на сопротивление всему тому, что было несправедливым и лишним с нашей точки зрения.

Возмущение и недовольство проявлениями насилия над нами со стороны «старичков» нарастало постепенно. Да что же это делается? Сколько можно терпеть? Почти у всех молодых суворовцев «старики» — второкурсники отобрали тренчики, не раз и не два все схлопотали по подзатыльнику, а в буфет вообще невозможно сходить! «Старики» ведь всего на год старше! Самым ярым борцом за равноправие старших и младших оказался не суворовец, а командир третьего взвода майор Дмитриев, по прозвищу Пиночет.

— Вы суворовцы, или маменькины сынки?! — возмущенно спросил он, выведя из строя суворовца с разбитой губой, — Только не надо мне рассказывать сказки, что ты упал с турника! Один раз окажите сопротивление, вот увидите, что вас оставят в покое.

Слова майора упали на благодатную почву, озвучили то, о чем постоянно говорили в свободное время. Рота стояла перед казармой повзводно, готовясь к построению на полдник, когда на свою беду, с соседней аллеи в тыл роты вышло трое второкурсников, презрительно разглядывающих молодых суворовцев.

Подростки, стоящие во взбудораженном душевном состоянии, обернулись. Вот он, противник! Ничего не подозревающий! И как хочется отвесить ему подзатыльник, чтобы он больше никогда не приближался к ним. И в абсолютном молчании рота сорвалась с места, на ходу скидывая ремни, и заученным движением обматывая концом ремня кисть правой руки, оставляя пряжку свободно болтаться на весу.

Приятно видеть, как у твоих мучителей меняется выражение на лице от презрительного до недоумевающего и испуганного. Как они разворачиваются и пытаются бежать от накатывающей на них черной волны суворовцев. Врешь! Не уйдешь!

— Ату! Взять их!

И с размаха по заду улепетывающего старика, еще раз! За все унижения! Получай! Рота остановилась на границе между двух городков, разделенных стадионом. Мальчишки, разгоряченные и

возбужденные, переводили дыхание. Получилось! Свершилось! Гордость за содеянное наполняла сердца. В соседние роты таких же «мальчиков» направили делегации. Поддержат или нет? Делегации возвратились с грустными лицами. Все горячо восхищались четвертой ротой, но… В то, что можно одолеть «стариков», не верил никто.

Майор Дмитриев был доволен ротой. Молодцы! Орлы! Как неслись от них старшекурсники! Суворовцы же ходили напряженные и напуганные. Души грызли червячки сомнений — что натворили? Что теперь будет? Мыслимое ли дело — на старших руку подняли? Ни один старший кадет возле четвертой роты не появлялся. А после ужина через первокурсников из других рот старшие кадеты передали — четвертой роте сегодня ночью кранты…

— Товарищ майор, — подошла к Пиночету, который в тот день был ответственным по роте, делегация суворовцев, — нам передали, что сегодня старики нам отомстят…

— Не бойтесь! Мы им покажем! Главное один раз отпор дать, и больше они вас никогда не тронут! — воодушевил нас майор. В это хотелось верить…

Теплая уссурийская ночь накрыла город, вечерняя поверка прошла тихо и мирно, и мы поверили, что действительно все будет хорошо. Пиночет не покидал расположение роты.

Тишину ночи неожиданно нарушил мощный шум, издаваемый тремя сотнями юношеских глоток прямо под окнами казармы.

— Подъем! «Старики» пришли!

На ходу натягивая обмундирование, кто в трусах, кто в штанах, бросились к дверям, где мужественно держал оборону Пиночет, пытаясь не допустить прорыва старших кадет в казарму. Те пытались протиснуться мимо него, он схватил одного из них, и они покатились по газону перед входом. Другие с криком бросились вовнутрь казармы, но в дверях расположения их уже встречала баррикада из ближе стоящих к входу кроватей. Схватка перешла в жесткую рукопашную, где кадеты бились табуретами, дужками от кроватей. Старших кадет было втрое больше, но их численное преимущество терялось в ширине дверного проема и баррикаде из кроватей. Но все же постепенно они теснили первокурсников, которые начали отступать вглубь казармы.

Уравнял силы прибывший на шум битвы дежурный по училищу. Правда, до предупредительного выстрела вверх, его никто не воспринял серьезно. Однако раздавшийся грохот боевого Макарова остудил пыл второкурсников и заставил отступить, которые напоследок, неудовлетворенные результатом

штурма, побили половину стекол в казарме…

С чрезвычайным происшествием разбирались долго и тщательно. Опрашивали всех кадет — старших на предмет, где был прошлой ночью, младших — смогут ли узнать хоть кого-нибудь из нападавших. Ни один из трехсот старших кадет и ни один из сотни младших никого не сдал. Ничего не знаю, ничего не помню, ничего не слышал и не видел. Единственным офицером, бывшим в схватке, был Жорж Палыч, но когда он покатился со старшим кадетом кубарем, то потерял очки, которые ему в горячке и раздавили. Удержать кадета он не смог, потому что отступавшие кадеты вырвали у него из рук задержанного им «старичка». Под предлогом плохого зрения Пиночет от опознания тоже отказался, за что старшие кадеты отнеслись к нему с глубоким уважением, всячески подчеркивая это.

Потому дело решили замять, о массовом побоище в Москву не сообщать, срочно навели порядок, вставили стекла и устранили имеющиеся недостатки. Уссурийск для Москвы — глушь беспросветная, гостей сюда не водили, большие начальники не шастали, жили здесь по своим законам, без оглядки на московское начальство…

* * *

Как трудно и страшно остаться одному за несколько тысяч километров от родного дома. Где нет ни одного родного человека. Где некому поплакаться, пожаловаться в трудную минуту, где ты весь на виду и каждый твой поступок или шаг трактуется товарищами либо в одну, либо в другую сторону. Где в твои четырнадцать лет иногда просто хочется конфетку, но рядом нет мамы, а в столовой дают опостылевшую солянку…

Легче всего было местным, городским кадетам. Они наравне с нами живут в казарме, но к ним еженедельно приходят попроведать их мамы и папы, принося домашних пирожков своим оголодавшим чадам. Случайно зайдя в свой класс за учебником в выходной день, я увидел, как местный уссурийский кадет Шумов Мишка за обе щеки уплетает пирожки, а заботливая мама подкладывает ему все новые и новые, недовольно оглянувшись на меня. Пирожок и конфета были мечтой любого кадета, оторванного от дома, но вид моего товарища, с которым я делил все трудности, который ходил рядом со мной в строю, с которым мы все делили пополам, и который сейчас при виде меня чуть не подавился пирожком — вызвал у меня глубокое омерзение. Я спустился вниз.

— Андрюха! Ну что, видел, как Мишка пирожки уплетает? — спросил меня еще один кадет с нашего взвода, сидевший с учебником на табуретке возле своей кровати.

— Видел, — кивнул я.

— Мужики! — отозвался наш замкомвзвода старший вице-сержант Еремеев, — Я со старшими кадетами разговаривал, они сказали, что этот вопрос вне обсуждения. Это его родители, его еда, и его личное дело — делиться с нами, или нет! Этим он не нарушает никаких кадетских правил. Единственное, «старички» сказали, что таких называют «курками» или «куркулями». То есть жадинами, которым плевать на товарищей, лишь бы набить свой живот.

— Не знаю, нарушает он кадетские правила или нет, но я с таким в разведку или в бой никогда не пойду, — скривился иркутский кадет Андрюха Ганза.

Через несколько дней Ганзе пришла из дома посылка от родителей, в который ему прислали конфет, печенья, варенья. Он открыл ее при всех на занятиях по самостоятельной подготовке, демонстративно высыпал все на парту, и прилюдно разделил присланное поровну на всех кадет взвода, вплоть до того, что разламывал конфеты и печенюшки на несколько частей. Все делали вид, что не замечают его приготовлений, углубивший в решение домашних занятий. Он подносил каждому кадету по горстке конфет и печенья, и проговаривал одну фразу:

— Мне посылка из дома пришла, угощайся, пожалуйста! А варенье я на ужин возьму, по тарелкам на каждом столе разложу…

Только возле Мишки Шумова он на какое-то мгновение замер, скривился, но пересилил себя и произнес ту же самую фразу, добавив в конце:

— … Со всеми поделюсь… Даже с куркулями…

Шумов густо покраснел, а все кадеты прыснули со смеха…

Посылки из дома были одной из небольших радостей, когда можно было подчеркнуть свою принадлежность к кадетскому братству и верность его принципам. Единственное, что омрачало их получение, было то, что почта находилась за пределами училища, и мы ходили за их получением по одному в соответствии с увольнительной запиской. Вокруг училища в основном располагались старые двухэтажные бараки, в которых проживало большое количество спившихся и опустившихся людей. Их дети были нашими противниками и врагами. Они считали нас «белой костью», «интеллегентиками», в общем — врагами. Мы в ответ звали их «шпаками», часто бились не шуточно, и у них считалось за счастье выловить и побить

одинокого кадета. Так что поход на почту был зачастую опасным мероприятием.

В тот день почту принесли как обычно. Раздали письма, но наиболее приятно было получить извещение на посылку.

— Крошкин! Тебе посылка!

Димка Крошкин, суворовец из Бийска, был рад. Я был рад за него. Ладно, местные, к которым почти каждые выходные родственники приезжают. А вот нам — из Якутии, Читы, Иркутска, Красноярска, Алтая, о доме напоминают лишь изредка приходящие посылки, заботливо собранные мамами, в которые они накладывают различных сладостей… Вечером на самоподготовке можно будет поставить посылку на стол, и по-братски разделить на всех. Потому что кадетский закон гласит — все поровну, и потому одна на всех жизнь — за Родину, одна смерть — за Родину, все жизненные трудности и лишения — поровну, и все блага, включая и еду — поровну…

Теперь Димке надо было отпроситься у командира взвода в увольнение, потому что почтовое отделение находилось за пределами училища. Командир взвода отпустил его после обеда, и радостный Димка, получив увольнительную записку, нетерпеливым шагом отправился на почту.

Посылка порадовала своими размерами и весом. Фанерный ящик приятно оттягивал руку, а в голове строились догадки, что на этот раз прислали. Он, почти что дошел до училища, последний поворот, и родные ворота, как нос к носу столкнулся со шпаками. Обитателями местных трущоб, с которыми у кадет постоянно проходили стычки.

Их было трое, и они радостно заулыбались — кадет, один, да еще с посылкой. Бежать от них не было зазорным, потому что силы были явно не в пользу суворовца. Но это означало бросить посылку. И Димка решил драться. Со стороны училища в спину шпакам неожиданно вышел суворовец-второкурсник, и Крошкин радостно вздохнул — вдвоем отобьются! Но тот неожиданно испуганно замер, попятился назад, и исчез за углом. Да куда же ты! Неужели не видишь, что здесь свой! Кадет!

— Подари! — перегородили суворовцу путь.

— Еще чего… — попытался он обойти шпаков.

— Ты чего! Не понял?! — схватил один из них его за рукав.

Димка рванул руку, одновременно получив удар в спину, бросил посылку, развернулся и размашисто ударил одного напавшего в лицо. Тут же получил сам, и завертелась куча-мала. Все-таки его сбили на землю и стали пинать, а он, старательно закрывал лицо, пытаясь увернуться от ударов ногами…

— А ну! Пошли вон! — раздался чей-то спасительный голос,

и шпаки, бросив Димку, кинулись наутек.

— Эй! Кадет! Живой?

Димка взглянул на спасителя. Перед ним стоял кочегар дядя Вася. Кадеты знали его хорошо, потому что все взвода периодически направлялись на работы в кочегарку, отапливающую училище, для вывозки шлака.

— Живой… — сплюнул кровь Крошкин, поднимаясь с земли и отряхиваясь.

— Вот такие у нас местные пацаны, — засмеялся дядя Вася, — втроем на одного. Посылку тебе развалили…

— Ничего, только боковины треснули, — отмахнулся суворовец.

— Ну, пойдем, провожу, я все равно туда иду, — и они направились к училищу…

В роте мы выслушали Димку и общим ротным кадетским собранием порешили вечером во время спортивно-массовой работы под предлогом кросса покинуть пределы училища и устроить профилактическую работу с местными шпаками, которые вконец обнаглели. Если повезет — попадутся и те, которые напали на Крошкина, если не повезет — попадет другим, при этом будет разъясняться, что при виде кадета лучше переходить на другую сторону улицы, и трогать кадет — опасно для здоровья.

А вот с трусом-второкурсником надо было разобраться. В силу заведенного порядка нам, как молодым, нельзя было трогать «старичков», мы ничего не могли сделать, и потому просто рассказали о чрезвычайном происшествии своим землякам-«старичкам». Вечером к Крошкину пришла делегация «стариков».

— Рассказывай, мальчик! — выслушали, — Молодец! Пойдем с нами!

Привели его в свой городок. Сначала построилась одна рота.

— Смотри и не бойся! Кто?

— Здесь его нет.

Вторая рота. Димка шел вдоль строя, вглядываясь в лица старшекурсников, и вдруг столкнулся с испуганным и забитым взглядом.

— Ты меня видел, когда шпаки зажали…

«Старичок» густо покраснел, а его командир отделения согласно кивнул:

— Верно! Был он сегодня после обеда в увольнении…

Делегация, приведшая мальчика на свою территорию, отправила его назад:

— Спасибо, мальчик! Иди к себе… Дальше мы сами

разберемся…

Как разобрались «старики» с трусом, который бросил в беде своего младшего товарища, с которым они учились в одних стенах, носили одни погоны — «мальчикам» не рассказали. Но то, что на следующий день того не было в стенах училища — точно. От таких избавлялись сразу. Предал здесь — предаст в бою! Значит таким не место в кадетском и воинском строю…

* * *

— Мальчики! Сегодня в кино будет «Фитиль»! Кто не стукнет ногой, тот крест! Страшнее быть не может, чем стать крестом. Крест — полная противоположность кадету. Крест — заботится только о личном благополучии, спокойствии, желудке… Кого назовут крестом — никогда не наденет кадетского краба. Уж лучше умереть… Тем более, если не соблюсти такую яркую давнишнюю кадетскую традицию.

А фокус заключается в том, что перед фильмом показывают киножурнал «Фитиль», где в самом начале горит фитиль, а затем взрывается динамит. И все шестьсот кадет, сидящих в зале, когда горит фитиль — шипят, а когда взрывается динамит — дружно топают ногами, отчего кажется, что старинное здание киноклуба развалится.

— Товарищи суворовцы! Сегодня будет очень интересный фильм про индейцев. Но посмотрите вы его только в том, случае, если в зале не будет нарушений порядка! — делает объявление дежурный по училищу. Ответственные по ротам офицеры присматривают за нами внимательно и настороженно, пытаясь определить «заводил» возможного нарушения дисциплины, так как прекрасно знают про этот обычай.

Мы переглядываемся твердыми и решительными взглядами — «старички» и «мальчики». Очень хочется посмотреть кино, но кто не стукнет ногой — тот крест! Нельзя нарушать старую традицию, не нами придуманную, за которую не одно поколение кадет пострадало.

Страшный грохот сотрясает зал от единого удара шестисот сапог. Включается свет, и взбешенный дежурный по училищу дает команду:

— Встать! На выход! Вместо кино — строевая подготовка!

Гордо и дружно встают кадеты. Мы все — едины! И «старики», и «мальчики»! Кино жалко, и ох, как не хочется вместо него маршировать два часа на плацу, зато соблюдена кадетская традиция… Гордость за то, что мы не сломлены, перевешивает

мозоли от строевой подготовки, все знали, на что шли, и какое будет наказание. Но самое главное — мы все кадеты, не нашлось ни одного креста, который бы ради отдыха и личного удовольствия предал кадетство…

* * *

С конца сентября началась подготовка к параду в честь Великой октябрьской социалистической революции. Оказалось, что подготовка к параду заключается в непрерывной муштре на строевом плацу в отведенное для этого время, и дополнительно в каждую свободную минуту. От нашего училища на парад в Хабаровск выезжает второй курс и от первого курса формируется «коробка» барабанщиков. Остатки первого курса будут проходить торжественным маршем в родном Уссурийске. На параде в Хабаровске будут идти «коробки» кадет, курсантов военных училищ, офицеров, воинских частей, военная техника… Принимать парад будет командующий округом, потому ни одному командиру воинской части, участвующей в параде, не хочется «ударить лицом в грязь».

Черт бы побрал эту отличную строевую выправку и невысокий рост, из-за которой мне «посчастливилось» попасть в состав роты барабанщиков, и вместе со вторым курсом ехать на ноябрьский парад в славный город Хабара, то есть Хабаровск. Все бы ничего, но житье в одной казарме со «старичками» стало настоящим кошмаром… Если добавить к этому ежедневную многочасовую муштру на плацу, то становилось обидно чуть ли не до слез, когда вспоминаешь, что твои друзья сейчас в Уссурийске, где балдеют от счастья, что нет второкурсников, спокойно ходят на занятия и сидят в покое и тишине на самоподготовке. Нас, кадет, в Хабаровске никто не воспринимает как детей, потому на плацу «умираем» как и все другие…

Начало ноября, а снега навалило выше крыши. Намного холоднее, чем в уже родном Уссурийске, до которого доходит теплое дыхание океана. До Хабаровска не доходит… Ветер, мороз, а ты, пятнадцатилетний пацан, только три месяца назад оторванный от дома, наравне со старшекурсниками, наравне с участвующими в параде курсантами, солдатами и офицерами, с утра до вечера маршируешь на плацу в тоненькой черной шинели, в таких тяжелых яловых сапогах, весь продрогший и уставший до чертиков. Собрав силу воли в кулак, сжав зубы, чтобы не заметили твою слабость и не сделали объектом насмешек и издевательств. Я — не слаб! Я — не сдамся! Левой!

Левой! Я — суворовец! Я — кадет!

Еще этот такой неудобный барабан… Бум-бум-бум… Бум-бум-бум… Перехват палочек в одну руку, теперь вынести локоток на уровень плеча, левой, левой… И контроль выправки, не дай бог, в твоих движениях заметят усталость, ты — кадет, а значит должен отличаться только в лучшую сторону… Плечи расправлены, походка легкая и стремительная, и чтобы никто не догадался, что тебе самому кажется, что ты сейчас упадешь и умрешь от перенапряжения на этом промерзшем плацу…

Зато как приятно замечать, как восхищенно и уважительно качают головами солдаты и курсанты, наблюдая за прохождением коробок суворовцев. А вы как хотели? Мы — суворовцы! Мы — кадеты! И забывается усталость, и откуда-то берутся силы, и ты не идешь, а летишь по плацу, словно красивая заводная игрушка, которая не имеет предела сил и слабости. Левой! Левой!

Приходишь в теплую и желанную казарму, а тебя поджидают новые трудности. Первый курс располагается в одном помещении вместе со вторым, и беда «мальчикам» от «стариков». Раз ты «мальчик», значит, по просьбе «старика» должен подшить тому подшиву, начистить сапоги, пряжку ремня, сбегать в буфет за булочками, рассказать на ночь сказку… Это не считается унижением, это само собой разумеющееся… Но почему с этим не соглашается сердце? Ах, ты не согласен!? Значит, ты — борзой «мальчик»?! Тогда получай! И спасти от этих унижений тебя могут только твои земляки-«старики», которые не могут сидеть и безотлучно тебя опекать. А значит, хочешь — не хочешь, а чаша сия тебя не минует… И здесь главное — не сломаться. Будешь унижаться — к тебе будут относиться как к животному, втаптывая все сильнее в грязь. Будешь сопротивляться — несколько раз получишь, зато будут уважать.

Я устало сидел на табуретке возле своей кровати, когда меня окликнул второкурсник:

— Эй, мальчик! Иди сюда!

В душе я чертыхнулся, но не выполнить такую безобидную просьбу «старика» нельзя. Может быть, пронесет? Настороженный я подошел к «старичкам», которые вольготно развалились на кроватях.

— Мальчик, — доброжелательно произнес один из них, — ты после кадетки в какое училище хочешь пойти?

Все с веселым видом ждали ответа, от которого зависели их дальнейшие действия. Если «мальчик» скажет что в танковое, значит, будет ползать по проходу, изображая танк, если в летное, значит с растопыренными руками бегать между кроватями, изображая самолет…

— В Новосибирское политическое, — не ожидая подвоха, отвечаю я.

— Ага, значит, в комиссары пойдешь, — почесал второкурсник затылок, — о, придумал!

Он вытащил из-под кровати обломок палки и сунул мне в руки:

— Так, сейчас ложишься в конец прохода, затем кричишь: «За Родину! Ура! Вперед!», ну, кино видел, как политрук Клочков, и типа поднимаешь бойцов в атаку. Бежишь по проходу, и тут тебя «убивает», ты падаешь, только, чтоб красиво, понял?

Второкурсники весело загоготали от находчивости товарища.

Меня бросило в жар. Они не только пытались унизить, но и пытались посмеяться над моими идеалами!

— Ну, давай! Чего молчишь? — нетерпеливо потребовал «старик».

— Не буду! — твердо произнес я.

— Не понял!? Ты чего? Оборзел?! — поднялся с кровати обескураженный от наглости «мальчика» «старичок», — А ну, давай!

— Не буду, — твердо повторил я, глядя тому прямо в лицо.

«Старик» отвесил мне мощную оплеуху.

— А я говорю — делай!

— Не буду, — с ненавистью ответил я, и получил мощный удар под дых, от которого меня скрутило, и с трудом преодолевая боль — выпрямился, чтобы показать мучителям, что мне не больно.

— Мальчик! Выполни нашу просьбу, и все, иди — отдыхай! Никто тебя не будет трогать! — посоветовал один из «старичков».

— Нет! — отрезал я.

Они били меня втроем, пытаясь сломать и заставить выполнить свое приказание, а я, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать от обиды и боли, держался…

— Вы что делаете! Это мой мальчик! — спасение пришло от земляка — «старичка» из Красноярска, подлетевшего к нам и заслонившего собой меня, всем видом напоминая ощерившегося волка и готовый за своего «мальчика» кинуться в драку.

Чувство огромного облегчения, что все закончилось, что появился мой защитник и друг, навалилось на меня, и помимо моей воли из глаз хлынули слезы, которые я так и не смог удержать.

— Да мы так, Серега, ничего, — примиряюще замахали те руками, — твой мальчик?

— Да! Мой! Андрюха! Что вы ему делали?

— Да поприкалываться хотели, а он молодец — молоток! Как

зовут? Андреем? Мальчик, а ты молодец! Серега! Мы, камчатские, тоже берем его под свою защиту…

— Да пошли вы! Без вас обойдемся! Довели пацана… - презрительно бросил красноярец тем и повел меня к себе, — Ты на этих уродов большого внимания не обращай. Так делают только те уроды, которые когда сами были «мальчиками», говно готовы были жрать, чтобы только угодить «старикам»…

* * *

Камчатские второкурсники действительно стали оказывать мне защиту и поддержку, при встрече уважительно здороваясь со мной и не допуская «наездов» со стороны других старших кадет, однако в душе я относился к ним с презрением и старался избегать общения с ними. Другие второкурсники меня тоже перестали трогать, так как прослышали про этот эпизод, за характер и твердость уважали, да и красноярские кадеты, которых было мало в училище, держались дружно и в обиду себя не давали… В душе я поклялся, что сам никогда не унижу младших кадет, и буду оказывать им всевозможную поддержку.

Наконец-то пришло время генеральной репетиции. Ночью нас вывели на площадь, где прогнали по полной программе парада. И мы, кадеты, не выглядели хуже других! Даже был приведены в пример многим другим! Гордость за похвалу распирала нас, и забывалась усталость. А самое главное — конец муштре! Сутки на отдых — и сам парад!

Парад наполнил душу восторгом и счастьем. Коробка барабанщиков открывала парад, за ними шла кадетская коробка, далее — все остальные. И волновали сердце военные марши, приятно было ощущать слитность и единство движений всей коробки, которая, кажется, дышит, идет и живет в одном ритме. Когда прозвучала команда «Шагом марш!», весь испуг и волнения остались на месте, а я ощутил себя винтиком отрегулированного и хорошо отлаженного механизма, и автоматически выполнял все необходимые действия.

И облегчение — конец строевым мучениям! Конец бесконечной муштре! День на отдых и экскурсии по Хабаре! Ура!

Всех желающих офицеры отпускали в увольнение и я, вместе с однокурсником Васильевым, решили побродить по городу.

— Не заблудитесь? — побеспокоился ответственный офицер, — Если что, запомните, вам надо будет вернуться в военный городок на Красной горке, любой горожанин объяснит, как сюда добраться.

— Есть! Доберемся!

Я впервые попал в такой большой город, он поражал своими размерами, а когда мы с Васильевым добрались до краеведческого музея, и вышли на берег Амура, река поразила мое воображение окончательно. Родной Енисей был огромной, широкой и спокойной рекой, монотонно несущей потоки воды. Амур — другое дело! Действительно, Амур — батюшка! Буйство, мощь, огромная дикая сила. Свирепые волны бились внизу о скалы, а мы любовались этим незабываемым зрелищем со смотровой площадки краеведческого музея, бесповоротно влюбляясь в эту своенравную реку.

Мы собирались возвращаться, когда меня пихнул в бок Васильев:

— Давай пирожков купим! Смотри, вон тетенька продает!

Только тут я почувствовал, что проголодался.

— Давай!

Мы купили по два пирожка и уплетали их за обе щеки прямо на автобусной остановке, как рядом с ними остановился курсант военного училища.

— Мужики! Я — Уссурийский кадет, но я никогда не позорил свою кадетку, стоя с пирожками на глазах у гражданских, и уплетая их за обе щеки, словно оголодавшее животное. Оглянитесь, на вас же все смотрят! Некрасиво…

Он укоризненно покачал головой, и направился дальше. Мы стояли красные от стыда, опустив глаза. Не было сил поднять взгляд и посмотреть по сторонам. Весь Хабаровск смотрел на нас и хмурил брови, укоризненно качая головой. Потом медленно подошли к урне, выкинули пирожки и пошли к следующей остановке. Здесь нам было стыдно стоять, казалось, что все тыкают в нас пальцами, что мы — кресты, что мы — оголодавшие, что мы — опозорили свою кадетку… И я знал, что больше никогда в жизни так не поступлю.

На следующий день кадеты должны были уезжать в Уссурийск. Вечером меня позвал к себе красноярский кадет-второкурсник Сергей.

— Так, Андрей! Пора вам начинать становиться настоящими кадетами. Надо обрезать шинель!

— Как понять — обрезать шинель? — не понял я.

— Мы постоянно носим сапоги, — начал объяснять тот, — длинная уставная шинель доходит до сапог, закрывая наше отличие от тех же морячков. Понял какое, чем мы отличаемся от них?

— Погонами и лампасами, — понятливо киваю я.

— Верно! И по нашей кадетской моде принято, чтобы нижний

край шинели сантиметров на пять не доходил до голенища. Чтобы издалека были видны лампасы, и каждый знал — это идет кадет! Если ты не крест, которому плевать на кадетство — надо резать шинель. Когда это увидят офицеры, начнется террор. Потому надо резать всем, чтобы те не смогли найти крайнего. Однако кто-то должен начать первым! Ты готов рискнуть?

— Готов, — решительно кивнул я, хотя было страшно и так не хотелось быть козлом отпущения. Однако своему земляку Сергею я полностью доверял, и если тот говорил надо, значит — надо!

— Мы тебе поможем обрезать, а когда вернешься в роту, будешь учить других, как это делается…

* * *

Перед входом в казарму стоял командир взвода майор Руденков. А я, суворовец Коренев, в не по уставу короткой шинели… Ну, надо же так нарваться? И не развернешься, чтобы уйти, сразу что-нибудь заподозрит! С бешено стучащим сердцем бравым строевым шагом подхожу к майору и докладываю:

— Товарищ майор! Суворовец Коренев прибыл после участия в военном параде в городе Хабаровске!

— Ну, здравствуй! — настроение у взводного было отличное, — Смотрели, смотрели мы военный парад! Молодцы! Не опозорили своих погон, не подвели… Устал, наверное? Ну, ладно, иди, иди в казарму…

— Есть! — взметнулась к шапке рука, и я пулей влетел в казарму.

Руденков задумался. Что-то было не так, но что, понять он никак не мог. Суворовец, как суворовец… Старательный и дисциплинированный… Однако какое-то странное напряжение, и что-то в форме? Да нет… Все у Коренева в форме на месте… Может это я, просто переел в обед, вот и лезет в голову всякая ерунда?

В расположении все, кто увидел меня — ахнули.

— Андрюха! Там же Таракан стоял! Он тебя не выкупил?

— Пронесло, пацаны!

— Ну, ты — молодец! Кадет! Первый с роты! Старики помогли так ровно обрезать?

Я кивнул. На построении на вечернюю прогулку вся рота старательно прикрывала меня от глаз ответственного по роте Таракана, и тот снова ничего не заметил. А из уст в уста передавалось общее кадетское решение. Коренев — кадет! Если

все не обрежут шинели до утра и Андрея накажут — в этом будем виноваты мы, потому что предали и подставили товарища. Кто не подрубит шинель до утра — тот крест, и отношение к нему будет — как к кресту!

После отбоя вокруг меня собралась рота, и я на одной из шинелей показывал, как ровно обрезать. Сначала одеваешь, и отмеряешь нужную длину, чтобы были видны лампасы. Делаешь отметку. Потом снимаешь, аккуратно раскладываешь ее на полу, и прикладываешь по метке параллельно к краю шинели свой ремень. По нему мылом проводишь линию и обрезаешь. Ну, и чтобы не висела бахрома — подпаливаешь края спичками. Всем ясно? Вперед!

Утром, на построении на завтрак, увидев построившуюся роту, Таракан ахнул. В роту проникла зараза, и что самое обидное — в его дежурство! Проспал! Суворовцы стояли напряженно, с каменными лицами, ожидая реакции майора. И у каждого над сапогами вызывающе краснели полоски лампас.

— Та-ак! Порча военного имущества! Нарушение строевого устава! Кто вам позволил?! Вице-сержант Еремеев! Кто вам дал право портить государственное имущество?

— Никто! — коротко и четко ответил вице-сержант.

— Тогда почему вы обрезали шинель?

— Никак нет, не резал, товарищ майор! Утром проснулся, одел, а она укоротилась!

— Я вам дам — укоротилась! Крошкин!

— Я!

— У вас тоже укоротилась?

— Так точно!

Офицер был в бешенстве… Командир роты совещался с офицерами долго. Надо было найти и выгнать из училища зачинщика безобразия и восстановить шинели. Вызвать родителей, и под угрозой увольнения их сыновей, заставить купить новые, уставной длины.

Каждый командир взвода по несколько раз побеседовал с каждым из воспитанников. Те писали объяснительные, и преданно глядя в глаза, убеждали офицеров, что так оно и было. Встал, проснулся, одел, а она укоротилась! Не было ни зачинщиков, ни виноватых. А на следующий день, в целях поддержки настоящих кадет четвертой роты и чтобы не прослыть крестами, неожиданно укоротились шинели в пятой и шестой ротах. И тоже ни крайних, ни виноватых.

Первые родители суворовцев, которые жили недалеко от Уссурийска, приехали в ближайшие выходные. Суворовцы, что были из дальних регионов, с тоской думали, как объяснять

родителям, зачем их вызывают… Однако все благополучно разрешилось благодаря суворовцу Обручеву, отец которого служил начальником тыла одной из воинских частей. Он недовольно покряхтел, отругал сына, и привез несколько черных шинелей большого размера. Дальше было делом смекалки и техники. Самый высокий суворовец нашил на одну из привезенных шинелей алые погоны и петлицы, а свою укороченную отдал следующему по росту. Тот свою следующему по росту, и так далее. В итоге, когда командир роты провел строевой смотр на предмет восстановления шинелей, к его огромному удивлению рота стояла без нарушений, все шинели были уставной длины. И никто из офицеров не обратил внимания, что рукава на этих шинелях немного длинноваты, и что в расположении осталось висеть несколько маленьких шинелей, явно укороченных. Зато в увольнения все ходили как кадеты, и у каждого над сапогами алели красные полоски…

А самодовольно улыбающегося майора Руденкова все-таки решили наказать. Слишком уж на его лице сквозило чувство победы над кадетами. В день, когда он остался ответственным, во время вечерней поверки, два кадета по общему решению покинули строй, а за них должны были ответить их товарищи. Пока Таракан проводил поверку, рисковая двоица проникла в канцелярию, где висела шинель майора, и обрезала ее по самое мужское достоинство. На это ушло совсем немного времени, потому что не было необходимости резать ровно и подпаливать бахрому. Сойдет и так…

Утром суворовцев разбудил взбешенный рев майора, надевшего шинель, чтобы выводить роту на зарядку. Крайних найти не удалось, потому что вечером шинель Таракана была в полном порядке, что сам Руденков отчетливо помнил, а в том, что все суворовцы были на вечерней поверке, подтверждала личная роспись майора… Ну, а ночью, он находился в канцелярии безотлучно. Свою шинель, которая тоже укоротилась непонятным образом, Руденков восстанавливал сам…

* * *

— Взвод! Становись! — скомандовал вице-сержант Хилев, и поторопил суворовцев, — Давайте быстрее!

— Кадеты! Строимся! — крикнул я зазевавшимся друзьям, и вдруг натолкнулся на негодующий взгляд Таракана, грозно надвигающегося на меня.

— Товарищ суворовец! Как вы назвали товарищей?! —

прищурился командир взвода, — Кадетами?

Вытянувшись перед взводным, я стиснул зубы.

— Я вас, суворовец Коренев спрашиваю, как вы назвали своих товарищей? Вы что? Кадет? Что молчите? Кадет?

— Так точно, товарищ майор! Я — кадет! — гордо подняв голову, твердо взглянул я в лицо командиру.

— Что-о? — от подобной наглости у майора перехватило дыхание, — Взвод! Становись!

Суворовцы замерли перед командиром ровным строем, напряженно глядя перед собой.

— Это что за гниль из вас поперла! Хилев! Это что за штучки? Откуда это у вас? Вы хоть понимаете, что кадеты — это царские прихвостни, детишки богатых дворян, которые воевали против Красной армии! Они создали даже свою партию, партию кадетов, которая вела борьбу против большевиков! Вы что, не понимаете, у вас с ними нет ничего общего!

Взвод молчал, но майор кожей чувствовал, как в воздухе возникло мощное напряжение несогласных с ним суворовцев. Эту антисоветчину ему, как опытному офицеру-воспитателю, необходимо было выбить из еще юных голов.

— Суворовец Коренев!

— Я! — как струна вытянулся я.

— Вы суворовец? — навис над ним воспитатель.

— Так точно! Суворовец! — звонким голосом проорал я.

— Во-от! Молодец! — довольно заулыбался Таракан, — Теперь скажи своим товарищам, что ты не кадет, и больше никогда так не называй своих друзей!

Я молчал, напряженно глядя перед собой, словно не слышал распоряжения своего начальника. Тот недовольно нахмурился.

— Ну?! Говорите! Что вы молчите? Повторяйте за мной — я-не-ка-дет!

— Я-ка-дет! — твердо и гордо произнес я и взвод облегченно вздохнул.

— Вы что, ничего не поняли! — сорвался на крик Таракан, — Вы не кадеты! Хилев! Вы кадет?

— Так точно, товарищ майор! Кадет! — глядя прямо перед собой куда-то в пустоту, гаркнул вице-сержант.

— И я, суворовец Карамышев — кадет! — пришел на выручку товарищам Карамышев.

— И я — кадет! — произнес суворовец Ганза.

— И я!

— Я — кадет!

Антисоветчина неслась по рядам суворовцев, отчего у майора отвисла челюсть.

— Молчать! Вы — суворовцы! Кадеты — это негодяи!

— Товарищ майор! Кадетами были декабристы Рылеев и Бестужев! Фельдмаршал Кутузов! — возмущенно произнес суворовец Крошкин.

— Адмиралы Ушаков, Нахимов! — присоединился Ганза.

— Крузенштерн, Беллинсгаузен — кадеты! — продолжил Коренев.

— Знаменитый летчик Нестеров — кадет!

— Кадетом был Владимир Даль, составивший знаменитый словарь!

— Трехлинейная винтовка Мосина! Мосин — кадет!

— Первый самолет создал кадет Александр Можайский!

— Кадетами были художник Верещагин, композиторы Римский-Корсаков, Скрябин!

— Мол-чать! Мол-чать! — закричал майор, — Я вам устрою Римского с дружками Корсаковым и Скрябиным! На плац! Я вам всю вашу дурь выбью! Ишь, что удумали! Вы — суворовцы!!! В честь знаменитого полководца Александра Васильевича Суворова!

— Товарищ майор! А не подскажите, Суворов большевикам служил, или царю? — не удержался Ветошкин.

— Я вам, товарищ суворовец, — с ненавистью глядя на него, ответил Таракан, — за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в том, что вы задали вопрос, не спросив на то моего разрешения, объявляю два наряда вне очереди!

— Есть два наряда вне очереди! — с трудом сдерживая улыбку, рявкнул тот.

— Что удумали!? Кадеты… я вам всю дурь выбью! Два часа строевой подготовки! Вместо отдыха!

Взвод маршировал так, как не ходил никогда. Раз! Раз! Раз, два, три! Левой! Левой! Печатая шаг, суворовцы шли ровными рядами, со всех сил вбивая свои сапоги в асфальт плаца. Шли так, словно осознавая свою исключительность, что это они — будущие генералы и полководцы, путешественники и изобретатели, писатели и художники! Они шли и нельзя было не залюбоваться их выправкой и каким-то особым юношеским гонором, который был написан на их лицах, был в их движениях, который кричал о том, что никто и никогда не сможет сломить их характер, потому что им есть на кого равняться и у кого учиться любви и преданности Родине… Они осознавали свою причастность к огромному и дружному кадетскому братству, которое имеет вековые традиции и обычаи, своих героев и великих людей, с кого можно и нужно брать пример, и кем они гордились!

А взводный с ненавистью оглядывался на кучковавшиеся вокруг плаца кучки суворовцев, откуда периодически раздавались

крики:

— Вива кадетс!

— Четвертый взвод — кадеты!

— Да здравствуют кадеты!

* * *

То, что мы — кадеты, не сомневался никто. Мы не отделяли суворовцев от кадет, для нас это было одно и тоже. Цель создания суворовских военных училищ была та же самая, что и при создании кадетских корпусов — воспитывать высокообразованных молодых людей, которые целью и смыслом своей жизни выберут служение Отечеству. И мы не могли отказаться от того огромного духовного и исторического наследия, от того великого вклада, сделанного кадетами прошлых времен. Они были для нас примером для подражания, нашей гордостью и духовной поддержкой.

Однако негласно любое упоминание о кадетах и причисление себя к ним офицерами-воспитателями пресекалось вплоть до наказания. Очень трудно было найти какую-либо информацию о кадетских корпусах, поэтому любая книга, документальная, мемуары, историческая или художественная, содержащая упоминание о кадетах, зачитывалась нами до дыр.

Посовещавшись, мы решили уговорить молодую учительницу по истории рассказать нам про кадет. Если преподаватель истории не знает о них ничего, тогда уж никто не сможет нам помочь и ответить на наши вопросы.

— Татьяна Равиловна! — поднял руку на истории суворовец Щелкаев, — А вы можете нам рассказать что-нибудь о кадетах?

Молоденькая учительница истории улыбнулась:

— О кадетах? Немного могу… Прошлый выпуск тоже интересовался, потому мне пришлось много покопаться в специальной литературе. Но это большая тема, а у нас план занятий…

— Мы самостоятельно догоним… Татьяна Равиловна! Ну, пожалуйста! Хоть немного… — взмолились суворовцы.

— Хорошо, — глядя на загоревшиеся глаза мальчишек, согласилась та, — слушайте. В России уже с пятнадцатого века формировались полки дворянских детей, которые даже принимали участие в военных действиях. Их можно считать прямыми предшественниками кадетских корпусов. Между прочим, я не совсем согласна с распространенной точкой зрения, что дворянское сословие были кровопийцами на теле России и

эксплуататорами народа. В дворяне производились люди, наиболее отличившиеся в сражениях за Россию, были рядовые солдаты, крестьяне… За отличие и героизм они получали наделы земли и крепостных крестьян, и отныне их долг был по первому зову государя прибыть к нему для принятия участия в военных действиях. Да, они не работали, а эксплуатировали своих крестьян, но они должны были изучать и совершенствовать свое воинское искусство. Они были первыми профессиональными военными Российского государства. Которые платили подати государству своими жизнями, кровью, своими детьми… Этими детьми были и кадеты.

В восемнадцатом веке в России было основано четыре кадетских корпуса, в девятнадцатом веке еще двадцать два. В начале 1918 года кадетские корпуса были ликвидированы, как «рассадники контрреволюции». Однако в ноябре 1920 года барон Врангель эвакуирует из Крыма воспитанников четырех кадетских корпусов, которых приютил в Югославии король Александр I Карагеоргиевич. Этот кадетский корпус просуществовал в Югославии до 1944 года и являет собой единственный случай, когда военное заведение одной страны находилось на территории другого государства.

— Татьяна Равиловна! А партия кадетов? Зачем они объединились в партию?

— Это глубочайшее заблуждение, не имеющее к кадетам никакого отношения. Так называемая кадетская партия при своем образовании предполагала другое название, что-то вроде «партии правого порядка». Однако из-за крепких масонских связей и по их настоянию назвалась «конституционной, демократической». Созвучное сокращение привело к названию «кадеты».

— У-у-у, — насмешливо загудели суворовцы, вспоминая слова Таракана.

— Кадеты, совсем мальчики, воевали на стороне белой армии, но они были так воспитаны, в духе верности государству и императору, поэтому шли на смерть за тот строй, который их воспитывал. Да и время было такое, что брат шел на брата, сын на отца… Ну а в 1943 году, в переломный момент Великой Отечественной войны, вышло правительственное постановление о создании Суворовских военных и Нахимовских военно-морских училищ. Причем Сталин подчеркивал, что они должны стать подобием старых кадетских корпусов. Все вернулось на круги своя… Это требование было выполнено — из прошлого взяли форму одежды, распорядок дня, бытовые условия. Курс обучения составлял семь лет, а после сдачи выпускных экзаменов воспитанники без вступительных экзаменов направлялись в

военные училища. Хрущев сократил такие училища с девятнадцати до восьми и перевел их воспитанников на двухлетний срок обучения, что, конечно, не могло не сказаться на уровне подготовленности…

Кадетские корпуса во все времена были настоящими питомниками настоящих русских офицеров — братьев по духу. Так, выпускник 1803 года Сухопутного кадетского корпуса офицер и поэт Федор Николаевич Глинка во время Отечественной войны 1812 года писал: «Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые понимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? Кадеты! О, как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия общества не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет…».

— А нас офицеры наказывают, если мы себя кадетами называем, — усмехнулся Еремеев.

— Вы — суворовцы, но должны ощущать свою преемственность от кадет, очень много сделавших для России, — кивнула Татьяна Равиловна.

— Мы внешне суворовцы, а в душе — кадеты! — засмеялся Ветошкин.

— Впереди у вас очень трудная и ответственная служба офицерами. И лучшего примера для подражания, чем Суворов, не найти. Александр Васильевич в истории занимает место более высокое, чем другие полководцы. Своими победами он прославил Россию, народ дорожит им как солдатом, который наравне с другими солдатами делил их труды и лишения, служа примером. Солдаты боготворили его, потому что он делил с ними последнюю рубаху, последний кусок хлеба пополам. Причем это не было показным, потому что Суворов считал простую жизнь единственно подходящей для военного человека, и верил: военному не нужно много имущества, ибо оно отнимает у него мужество…

— Татьяна Равиловна! До революции все кадеты были глубоко религиозны, Суворов был глубоко верующим человеком, это играло какую-то роль в победах над врагами, помогало им? Если мы атеисты, значит у нас с прошлыми кадетами дух разный?

— Товарищи суворовцы! Все мы — атеисты, так нас воспитывали и воспитывают… Однако лично я не считаю, что религия — плохо… Это дело каждого человека — верить, или нет… Когда-нибудь вы прочитаете Библию, величайшее религиозное, литературное, историческое, нравственное творение, написанное гениальными людьми. Там расписаны все моральные и нравственные устои, которые необходимо соблюдать

отдельно каждому человеку и обществу в целом, чтобы сохранить душу общества. Если вы порядочный человек, любящий свою Родину, семью, преданный дружбе и чести, то надеюсь, что вы и так будете соблюдать все общечеловеческие правила и нормы. Но религия дает каждому человеку тот нравственный стержень, ту силу, которая помогает выжить не только ему лично, но и всей стране, обществу… Ну вот, договорилась, если начальство узнает про мои слова и решат, что веду религиозную пропаганду, то меня точно уволят…

— Не уволят! Мы — кадеты! У нас стукачей нет! — дружно зашумели мы.

— Даже Александр Васильевич Суворов всегда подчеркивал: «Мы — русские! С нами Бог!». Соединение религиозности, полководческого таланта, любви к России и преданности ей помогало ему одерживать такие великие победы. Мы живем в атеистическом государстве, где считается, что военный человек не должен быть верующим. Но прошу вас, будьте хотя бы разумными и нравственными! И с прошлыми кадетами у вас дух один, не переживайте! Только глупый человек может сказать, что у вас с ними форма одна, а дух — противоположность… Вы — одинаковые, потому что одинаково воспитаны, в духе любви к Родине и преданности ей!

* * *

Наступившая весна принесла долгожданное тепло, весенние ливни и трескучее гудение майских жуков. Изменилось отношение к нам и наших «стариков». Они уже не видели в нас тех салабонов, которыми мы пришли в училище. Приближающееся расставание с ними принесло понимание того, что теперь мы встретимся не как «мальчики» и «старики», а как равноправные кадеты. Взгляд их стал доброжелателен, отношения братские. Они оставались сдавать выпускные экзамены, а мы должны уехать в полевой лагерь, при воспоминании о котором старшие кадеты насмешливо улыбались, сочувственно кивая головой…

Странно, но так медленно, кажется, тянущийся год пролетел мгновенно. Только что все стонали — когда же лето, лагерь, а потом долгожданный отпуск? Когда же закончится первый курс? И потому не верится, что год позади, и звучит громкая команда — по машинам!

Автобусы остановились за воротами летнего военного лагеря, который неожиданно появился за деревьями между двух

уссурийских сопок. В какой-то сотне километров от него — граница с Китаем. Рядом с лагерем протекает небольшая коварная речка, имеющая второе дно. Зазеваешься, провалишься под него, затащит течение подземной реки — никто и тела не найдет…

Лагерь — рубеж между первым и вторым курсом. После лагеря — домой в отпуск! Самым настоящим «старичком». Мы уже не «мальчики». Позади год учебы. Позади год крепкой дружбы, трудностей, лишений, испытаний. И если ты остался в строю — значит, все перенес с честью. Кадетка ошибок не прощает!

Летний военный лагерь — беспрерывный лошадиный марафон. Подъем — кросс. После завтрака — инженерная, огневая, топография, перед обедом физическая — либо кросс, либо спортивные снаряды на спортгородке. Полчаса отдыха после обеда, и все кадеты без задних ног вповалку валяются в прохладной тени. Подъем! Тактическая подготовка, строевая, марш-броски — с оружием, порой в противогазе… И все под палящим дальневосточным солнцем, в таком влажном от близости океана воздухе. Сжимают зубы кадеты. Трудно. Не в первой!.. Наливаются упругостью мышцы, отвердевает характер. Мы — настоящие мужчины, мы — кадеты, мы — служим Родине! И пускай наши гражданские одноклассники сейчас отдыхают, загорая на речках, валяясь на диване, зато мы узнали цену настоящей дружбы, верности, чести… Чего никогда не узнают и не поймут гражданские.

— Сегодня будете сдавать марш-бросок десять километров на значки военно-спортивного комплекса! — майор Руденков смотрит насмешливо, — Марш-бросок отличается от кросса тем, что оценка будет выставляться взводу по первому, и самое главное, по последнему суворовцу. Пробежит последний на двойку, значит всему взводу — оценка два!

Надо пробежать десять километров — пробежим десять. Если оценка по последнему — значит придем все вместе, таща на себе отстающих и их снаряжение! Значит, самым быстрым придется не гнаться за рекордом, а тащить по две, а то и по три нормы выкладки. Кадеты подгоняют ремни на автоматах, чтобы не болтались, подгоняют ремни на вещмешках, чтобы сидели как влитые. Попрыгали. Все нормально — готовы!

Старт! Вперед! И заливает пот глаза… Собираются портянки в сапогах, сбивая в кровь ноги… Сжимаются зубы, чтобы не застонать от нестерпимого жжения лопнувших мозолей… Останавливаться нельзя — подведешь взвод. На счету каждая секунда. И тащит Андрей Обруч за спиной три вещмешка, свой

автомат за спиной, и в каждой руке еще по автомату… Рядом ритмично дышу я, так же обвешанный оружием и снаряжением. Нельзя делиться на отдельных личностей. Это общая кадетская ноша. Если товарищу хуже и труднее, чем тебе, значит, ты принимаешь часть его груза. Держись, Щербаков! Дыши в такт! Не сдавайся! Закатываются от перенапряжения глаза у Щербакова, из последних сил хрипя, бежит по пыльной дороге, запетлявшей среди уссурийских сопок. И подхватывают его под руки кадеты, попарно таща отстающего… Умрем, но не бросим товарища! Мы — кадеты! Мы — уссурийские тигры!..

* * *

Отпуск пролетел незаметно. Родные и знакомые вгоняли в краску, с удивлением отмечая, как сильно я за год повзрослел и окреп, хвалили выправку, замечали отнюдь не юношескую серьезность в глазах. Мама пыталась откормить «так похудевшее» чадо, а сверстники просили показать что-нибудь «эдакое» на перекладине и с интересом рассматривали черную форму. К своему большому удивлению я заметил, что за один год мы стали заметно различаться. Они не понимали мой армейский юмор, не знали что такое старшина, у них были какие-то извращенные понятия о дружбе и чести. Нормальным считалось кого-нибудь обмануть, они с восторгом вспоминали, как напились на школьной дискотеке, как впятером побили одного… Одноклассники смотрели на меня с сожалением, как на сумасшедшего, который сдуру надел погоны и лишен такой веселой, бесшабашной жизни. Мне было жаль их. Они не могли понять, что приобрел я. Объяснять я тоже не хотел.

Но, как бы ни было хорошо дома, а в Уссурийск тянуло, не терпелось увидеть своих товарищей-однокашников и такое родное училище.

Боже мой, как радовался взгляд, когда по дороге в училище где-нибудь в аэропорту мелькнет черная форма с алыми погонами — свой! Кадет! Знаком — не знаком — не важно! С другой роты — не важно! Раз в кадетской форме — значит друг и брат! И сбиваясь в стайки, мы вместе добирались до родных стен…

А сколько впечатлений по дороге! Оказывается, кадетская форма служит связывающим звеном между тысячами людей. Идешь в незнакомом городе, а тебя окликают:

— Кадет! Здорово, братишка! Я — калининский кадет! Ты из отпуска? Помощь нужна? Нет? Ну, счастливо, браток!

И ты удивленно смотришь на «братишку», который старше тебя на добрый десяток лет, который, будучи тебе абсолютно незнакомым, готов оказать любую помощь — советом, деньгами, добрым словом… Отчего чувство огромной ответственности наваливается на мальчишечьи плечи. Чувство ответственности за огромное дружное кадетское братство!..

Первое, что сделали я с Карамышевым после сдачи отпускных документов — кинулись искать своих «мальчиков». Нужно было поддержать своих земляков, чтобы те знали, что им есть на кого опереться и к кому при необходимости обратиться. Возле казармы первого курса строилась рота молодых суворовцев, и мы направились к ним. Подойдя поближе, чуть не прыснули со смеху. Неужели мы были такие же? Ужас! Форма топорщится, никакой выправки, все какие-то кривые и скукоеженые. На нас смотрят открыв рот, с восхищением и страхом.

— Мальчики! Из Красноярского края есть кто?

— Есть! — раздается в ответ нестройный хор голосов, — Аркашка! Головин! Тебя старики спрашивают!

— Откуда, братишка?

— С Ужура… — высокий широкоплечий подросток смотрит настороженно.

— Рядом с нами!.. — радостно переглядываемся мы, — Аркадием зовут? Я — Володя! Я — Андрей! Ну, здравствуй, братишка! Как дела? Какая нужна помощь?

У «мальчика» глаза горят гордостью, а другие первокурсники смотрят на него с завистью — везет, «старичков» своих нашел! И взахлеб рассказывает, как ехали в Уссурийск, сколько их было с Красноярского края, как с ними организовали встречу с выпускником Уссурийского суворовского училища по фамилии Шарапов…

— Постой, постой… — переглядываюсь я с Карамышевым, — он же в военном училище должен учиться?… И перейти на второй курс?…

— Должен, — согласно кивает мальчик, — только он почему-то из училища сразу уволился, и его направили дослуживать солдатом… Попал Шарапов служить в Афганистан, и уже комиссовался… Награжден орденом Красной Звезды за мужество и героизм. Калека он. Без ног…

— Как?… — ошеломленно переглядываемся мы. В душе буря чувств — год назад видели Шарапова здоровым, семнадцатилетним подростком, а сейчас он уже герой-калека, пришедший с настоящей войны и награжденный фронтовой наградой? В восемнадцать лет?… Буря чувств… Как такое может быть?… Ведь вроде бы нет войны?… И рвется душа туда — в бой.

И клянусь себе — я буду в Афганистане…

* * *

Правду говорили — все забитые и послушные тихони, которые исполняли любые пожелания старшекурсников, когда сами стали «старичками», начали отличаться излишней жестокостью, стараясь добиться от молодых кадет выполнения того, что делали сами. Но таких было мало, и все их требования, унижающие честь и достоинства младших кадет, пресекались нами же твердо и решительно.

Однако основные проблемы у нас возникли не с «мальчиками», а внутри коллектива. На первом курсе мы впитывали от старших все кадетские законы и правила, если что-то не знали или не могли понять, то обращались к старшим, которые были судьями и авторитетами. Теперь хранителями кадетских традиций были мы, и мы должны были служить примером для молодых кадет, и тут такой позор…

Рота гудела как разворошенный улей. Среди кадет оказался стукач, что ложилось пятном позора на все кадетское братство и делало четвертую роту объектом насмешек и пересуда для кадет из других рот. Пострадавший в результате доноса командир отделения вице-сержант Фролов Санька, в обиходе просто Фрол, в сотый раз отозванный для уточнения подробностей с жаром рассказывал:

— И вот подхожу я к канцелярии, хотел у взводного Кота отпроситься в увольнение, слышу — он с кем-то разговаривает. Ну, стою, жду, думал тет-а-тет с ним перетрещать, тут вроде бы мою фамилию за дверью называют. Я к двери — ухо приложил — а там, какая-то падла Коту рассказывает, как я за спортивным городком курил! Спрятался в коридоре, а сам пасу — что за гнида от Кота выйдет. Ну, выходит, кто думаете? Воронин! — лицо Фрола раскраснелось от гордости за выявленного им стукача и обилия проявляемого к нему внимания.

Кадеты кучковались по углам, обсуждая эту вопиющую новость и предлагая различные варианты наказания виновного. Честь выбора окончательного варианта экзекуции предоставили Фролу, как пострадавшему и за курение лишенного увольнений на целый месяц. Воронин был здоровый и нетрусливый малый, поэтому сценарий был разработан тщательно и все роли распределены конкретно по каждому кадету.

Ответственным по роте заступил командир четвертого взвода, что для планируемого было на руку, так как сразу после

вечерней поверки Таракан не надоедал своими шараханиями, а сразу поднимался на второй этаж в канцелярию, где недолго читал, пил чай и заваливался спать глубоким непробудным сном.

В этот вечер рота порадовала Таракана своей организованностью и управляемостью. Ни один суворовец не опоздал в строй на вечернюю поверку после умывания и туалета, все успели подшить воротнички и начистить до блеска обувь, а самое удивительное — когда он зашел в казарму дать команду строиться — рота стояла в строю и вице-сержанты осматривали подчиненных. Таракан даже крякнул от удовольствия. Орлы!

По команде «Отбой!» кадеты быстро разделись, аккуратно заправили обмундирование и легли по кроватям. В помещении воцарилась тишина, никто не болтал, не шептался как обычно и Таракан с отеческой нежностью подумал, что мальчишки, однако уж сильно умотались. Для приличия, почитав нотации дежурному по роте Василькову и наказав разбудить его, если что случится, Таракан широко зевнул и пошел в канцелярию.

Васильков, выждав некоторое время, тихонько поднялся на второй этаж. В канцелярии свет был отключен, и из-за двери раздавалось равномерное сопение. Васильков спустился вниз, махнул дневальному в сторону лестницы: «Карауль!», сам зашел в спальное помещение и негромко кашлянул.

Спавший рядом с Ворониным кадет Ярцев не спеша поднялся, подхватил свое одеяло и набросил его Воронину на голову. С соседних кроватей подскочило еще пару кадет. Дав несколько хороших тумаков, они отпустили Воронина. Когда ничего не понимающий Воронин дрожащими руками сорвал с головы одеяло, то увидел что вокруг него плотным кольцом стоит вся рота.

— Ты кадет или стукач?

— Кадет…

— Какой же ты кадет, если стучишь?

— Пацаны! Да вы что?!..

— Подожди! Вот стоит перед тобой Фрол. Скажи ему в глаза — ты его Коту застучал? А мы посмотрим, стоит ли тебе носить имя кадета!

Момент был решающий. Рота ждала ответа, затаив дыхание, и от его правдивости зависела его дальнейшая судьба. Воронин был неплохим кадетом, вице-сержантом, здоровым малым, пользовался авторитетом. Сознается — будет иметь шанс остаться в коллективе, поглядим на него, стоит ли ему быть кадетом. Соврет — все! Презрение, бойкот, когда ему даже из его земляков никто руки не подаст…

— Пацаны, простите… — обречено прошептал Воронин.

— Вставай! — решительно произнес Ярцев, — Дерись с Фролом!

Никто не сомневался, что в настоящей драке Фрол не выстоит против Воронина, но сейчас за Фролом стояла рота нахмурившихся кадет, а за Ворониным всепожирающее его чувство вины. Фрол ударил Воронина два раза, тот даже не поднял руки, чтобы защититься.

— Теперь садись! В наказание тебе сейчас вся рота пройдет и проставит фофаны в лоб! Чтобы на всю жизнь запомнил, ты — кадет, а не стукач!

Воронин сидел на кровати, сжав зубы, на глаза наворачивались слезы и ему казалось, что цепочка кадет, отвешивающих ему фофаны, никогда не кончится…

* * *

— Мужики! Там в отпуск приехали наши прадедушки! Которые до нас в нашей роте учились! Череп разрешил к нам зайти — они с нашего взвода!

Все, бросив учебники, кинулись в класс первого взвода, хотелось посмотреть на своих предков и послушать рассказы, как было у них, и как сейчас складывается их жизнь.

— Заходите! В тесноте, да не в обиде, — приветственно махнули рукой два курсанта, по хозяйски рассевшиеся на преподавательском месте, заметив смущение кадет из других взводов.

Класс заполнился до отказа, майор Слаквичев, чтобы не смущать суворовцев и дать пооткровенничать, подмигнув своим бывшим воспитанникам, ушел в канцелярию.

— Ну что, кадеты! Как жизнь?

— Все нормально! — заулыбался народ, — Слушайте! А у вас Слаквичева тоже Черепом называли?

— Называли… — засмеялись те, — Руденкова — Тараканом, Кулебова — Котом, а Жорж Палыча — Пиночетом! Жорж Палыч — вообще самая знаменитая наша личность…

— Мужики! А сейчас вы где учитесь, в каком училище?

— В Киевском общевойсковом, на разведфакультете!

— А какое самое крутое училище? Рязанское десантное?

Те откровенно расхохотались:

— Ну и глупости вы говорите! Нет крутых и некрутых училищ. Из всех выйдут офицеры, просто выполняющие различные задачи. Если вы имеете в виду умение драться и выживать, то фильмы про десантуру — откровенная показуха!

Они ничем не отличаются от той же пехоты, за исключением формы. Идите к нам в Киев, на разведфакультет, будете намного круче! Наши выпускники такие задачи выполняют — десантуре не снилось!

— А с вами из других кадеток учатся? Они какие? Хуже нас?

— Э-э, пацаны! Вы, как малые дети! Запомните! Нет плохих и хороших кадеток. Если у тебя на груди краб, значит ты кадет. И всем другим людям глубоко наплевать, с какой ты кадетки. Так что все мы делим ответственность за все кадетки. Небольшие отличия, конечно же, есть. Например, в Московском суворовском и других западных, не носят постоянно как мы — сапоги. Они всегда в ботинках. Мы их только в увольнения и отпуска одевали.

— У-у-у! — осуждающе-насмешливо зашумели суворовцы.

— Не — у-у! — остановили их курсанты, — Они такие же, как и мы. Только они на глазах у больших начальников в Москве, а мы в глуши, на другом конце страны. Еще казанцы и свердловчане постоянно в сапогах. Но для кадетства это роли не играет. А вообще нашу уссурийскую кадетку уважают! Наших кадет называют уссурийскими тиграми! Кстати, больше ни одна из кадеток подобной чести не удостоена…

Кадеты довольно заулыбались, было приятно слышать, что они отличаются от кадет других училищ таким грозным и внушительным прозвищем…

* * *

Как правило, негодяи в коллективе проявляют себя быстро. Особенно, когда все живут по определенным правилам, которые нельзя нарушать. Особенно, когда это мужской коллектив, по молодости воспринимающий все с юношеским максимализмом и категоричностью. Самыми страшными преступлениями считались предательство и воровство. Они никогда не прощались, по ним не проводили даже обсуждений и собраний. Они не считались случайной ошибкой, которую можно простить, а провинившемуся дать возможность исправиться.

Вообще на втором курсе такого не должно было произойти. Но произошло. Полтора года — ни одного случая воровства. И вдруг у кого-то проснулся подлый инстинкт. В роте завелась крыса. Подлая, наглая, хитрая. Самое страшное, что это подрывало доверие друг к другу, позорило перед другими кадетами, которые постоянно интересовались, не вывели ли мы ее на чистую воду. За три месяца в роте произошло четыре кражи. У одного пропали кроссовки, которые ему привез отец — офицер

из Германии, у другого калькулятор, у третьего — часы, а у четвертого — деньги… И это в коллективе, где каждый доверял друг другу, как себе. В коллективе, который более полутора лет существовал как единое целое, дружно преодолевая все трудности. Вор был из нашего числа, значит, ежедневно ходил рядом с нами, ел с нами за одним столом, ходил в общем строю, и самое страшное — продолжал называться кадетом! Кадеты скрипели зубами и мечтали поймать гниду…

Ловить крысу долго не пришлось. Правду говорят — сколько ниточке ни виться, а конец будет один. Она попалась сама. Случайно. Личные вещи каждого суворовца хранились в чемоданчиках, с которыми они убывали в отпуск. Чемоданчики находились в каптерке у старшины роты прапорщика Шарапова, и каждый по мере надобности, в отведенные для этого часы, мог зайти к старшине, получить свой чемодан и положить в него что-нибудь, или взять.

В этот весенний день суворовец Дидык пошел к старшине, чтобы взять несколько новых тетрадей, которые лежали в чемодане, еще привезенные после зимнего отпуска. В каптерке за столом сидел старшина, что-то пересчитывая, и на верхнюю полку уже убирал свой чемодан суворовец Исаковский. Услышав открываемую дверь, Исаковский неловко обернулся, не удержал в руке чемодан, тот соскользнул с ладони и грохнулся на пол. От удара пряжки раскрылись, и вещи Исаковского вывалились на пол. Поверх кучи лежали кроссовки, которые Дидыку привез отец из Германии, и которые он узнал бы из тысячи. Потому что больше таких не было ни у кого. Рядом с кроссовками валялся японский калькулятор. Исаковский густо покраснел, а Дидык, не говоря ни слова, повернулся, и вышел из каптерки.

И взметнулось чувство бешенства и облегчения. Вот она — крыса! Когда Исаковский вышел из каптерки, рота стояла в расположении повзводно.

— Иди сюда, — жестко произнес замкомвзвода старший вице-сержант Руднев, который и должен был сделать это, потому что его подчиненным являлся суворовец Исаковский. Точнее не суворовец. Гнида Исаковский.

Тот обречено приблизился. Руднев поднял руку, сорвал один погон, затем следующий.

— Не достоин ты чести носить эти погоны. И эту форму. Пока вот это одень.

Замкомвзвод бросил Исаковскому под ноги белую рабочую робу без погон и черные штаны без лампас.

— И в строй ты больше не имеешь права становиться. И вообще советую — иди отсюда, куда глаза глядят. А то сорвется

кто-нибудь. Сам понимаешь.

Словно побитая собака, Исаковский обреченным шагом направился к выходу.

* * *

Перед командиром четвертой роты суворовцев сидел отец Исаковского.

— Умоляю! Сделайте что-нибудь! Вы ведь командир роты! Мальчику осталось доучиться два месяца! Ну, ошибся! Ну, сорвался! Да я его сам выпорю… Зачем устраивать какие-то детские самосуды?…

— Извините, но ничем помочь не могу, — вздохнул подполковник Радченко, — беседовал я и с начальником училища… Вы не представляете весь их юношеский максимализм. Называют себя кадетами. Предательства, доносчиков, воров не прощают никогда. Пытался я вашего сына в строй поставить, чтобы на обед отвести — рота отказалась выполнять мои команды! Вы понимаете! Наотрез отказалась! Отказалась идти в строю с вашим сыном! Готовы пойти до конца, вплоть до увольнения! Объявили голодовку! Начальнику училища доложил. Вы понимаете, какой может подняться шум, если дойдет до Москвы, что целая рота подняла бунт! Самый настоящий бунт! Ни я, ни начальник училища на это не пойдет. Если желаете, можете поговорить с ротой сами, но уверяю — бесполезно…

* * *

Любой экзамен страшен, а выпускной — тем более. Все учено, переучено, а в сердце беспокойство — вдруг попадется трудный билет, и получишь тройку?… Всем хотелось получить как можно лучшую оценку, и потому придумывали различные хитрости.

На экзамен по литературе первыми заходили отличники. В руке каждого была ручка:

— Товарищ преподаватель! Суворовец Крошкин для сдачи экзамена по литературе прибыл!

— Берите билет! — доброжелательно улыбается преподаватель.

— Есть! — и тут же незаметно чиркает по указательному пальцу ручкой. После чего незамедлительно берет билет, крепко нажимая пальцем на бумажку, чтобы отпечаталась полоска.

— Билет номер шесть! — погромче, чтобы слышал товарищ,

который должен будет вытащить тот же билет. И тот начинает срочно повторять по учебникам вопросы билета.

Второму кадету труднее, ему надо сделать две полоски. Третий делает жирную полоску, четвертый — жирную точку. Все знаки оговорены заранее, потому преподаватель удивляется, что раз за разом самым отстающим попадаются те же билеты, что были до этого, и как уверенно отвечают на них те, кто так плохо учился. Наверное, очень хорошо готовились! Молодцы!

Экзамен по истории принимается в учебном классе третьего взвода, который отделен от класса четвертого взвода дощатой перегородкой с небольшими щелями между досок. Эта перегородка завешивается учебными картами, которыми разрешается пользоваться при подготовке. На все билеты заранее написаны на стандартных листках ответы. На таких же, какие даются на экзамене.

— Товарищ преподаватель, суворовец Ветошкин для сдачи экзамена по истории прибыл!

— Берите билет.

— Билет номер девятнадцать! — громко докладывает суворовец, чтобы было слышно за дверью.

— Садитесь, — показывает на стол преподаватель.

Ветошкин садится и начинает писать на листке всякую ахинею. Немного пописав, с озабоченным видом заглядывая в свою ахинею, спрашивает у преподавателя:

— Разрешите карты посмотреть?

— Посмотрите…

Он подходит к картам и начинает озабоченно ковыряться в них. Не та… Тоже не та… Оп — па, появляется между досок уголок подготовленного заранее ответа на вопросы, просунутого между досок наблюдающими за товарищами кадетами. Спасибо, пацаны. Он садится за стол и готовится к ответу.

Преподаватели не могли нарадоваться подготовленности воспитанников…

* * *

Готовиться к выпуску начали задолго. По великому блату доставали пятиугольные погоны, давным-давно снятые со всех видов довольствия. Потому, что были они, изготовлены для носки на кителях старого образца, путем пристегивания на пуговицу. И было их очень удобно после получения заветного краба, носить с внутренней стороны кителя, продев через дырку под пуговицу на закрутку краба. На погон наносили краской буквы — Ус СВУ.

Под размер погона вырезали картонку, которой придавали красивый вид путем раскрашивания, нанесения полей, и в алфавитном порядке вписывали весь родной взвод. Фамилия, инициалы, а через черточку — военное училище, в которое уезжает товарищ. Потом все это заклеивалось под целлофан и бережно припрятывалось до выпуска.

Пришедшему фотографу заказали фотографии, обязательно одну — ротой, вторую — взводом.

Форма постирана, наглажена, подшита. Чтобы стрелки на брюках лучше держались, изнутри по ткани проведено влажным куском мыла. Наиболее модные в фуражки под кокарду подставляли ручки от алюминиевых ложек, пытаясь придать фуражке вид сшитой под заказ. Форма подогнана по фигуре, и кадеты с удовлетворением оглядывают друг друга. Такими мы запомнимся друг другу навсегда… Такими мы придем в военные училища… Такими нас увидят другие кадеты…

— Мужики! — оглядывает других кадет иркутянин Ганза, — Запомните! Если кто проездом или случайно окажется в Иркутске, или приедет служить, у вас всех есть мой адрес. Любая проблема, любая просьба — будет выполнена. Вы просто скажите, я — Уссурийский кадет, учился вместе с Андреем, мои родители все для вас сделают!

— Кто будет во Владивостоке — милости прошу ко мне, — подхватывает Колобков.

— Мои вас примут в Дальнереченске!

— Клянусь, в Находке мой дом — ваш дом!

Все клянутся, что где бы они встретились, куда бы ни занесла судьба — всегда оказывать друг другу поддержку и помощь…

* * *

Три роты суворовцев стоят на плацу. Триста человек. Триста будущих курсантов. Мы знаем, что мы — кадеты! Триста будущих офицеров. Мы положим все силы, чтобы прославить свою кадетку! Будут среди нас генералы, ученые, поэты, — но все они будут жить ради Родины! И самое первое звание патриота России нами заработано, и звучит оно гордо и несгибаемо — Кадет! Да будем мы первыми среди равных, потому что с детских лет надели погоны, отринув все блага и соблазны гражданской жизни ради нашей великой России! И вручаем наши жизни и судьбы — тебе, Родина!

— Суворовец Карамышев!

— Я!

— Ко мне!

— Есть! — печатая шаг, приближается к начальнику училища генерал-майору Пироженко.

— Поздравляю с окончанием Уссурийского суворовского военного училища! — вручает генерал аттестат и желтый, сверкающий знак с барельефом Александра Васильевича Суворова.

Вот он, долгожданный краб, символ принадлежности к кадетскому братству! По нему меня будут признавать побратимы-кадеты, и он будет накладывать на всю мою жизнь дополнительный груз ответственности! За все кадетское братство! И за Уссурийскую кадетку в отдельности! Мы разлетимся по военным училищам всей страны, и принесем с собой все то, чему нас учили здесь, что воспитали в нас. Мы знаем, что нас там ждут, нас примут и помогут наши старшие кадеты, наши «старички», «дедушки» и «прадедушки». И за каждую ошибку нам придется отвечать перед всем кадетским братством, которое ошибок не прощает.

Мы стоим последний раз в строю, и с нами прощаются ротные офицеры. А мы прощаемся с офицерами, которые на два года заменили нам родителей. Прощайте, простите нас за все! Мы были сорвиголовами, многие ваши слова воспринимали «в штыки», но это ваша заслуга, что вы сделали из нас кадет! Подсознательно мы брали с вас пример, и на всю оставшуюся жизнь вы останетесь для нас примером и образцом настоящего офицера. Да, вам было трудно с нами, вы тратили на нас свои нервы, силы, жизнь, за что низкий вам земной поклон! Клянемся, что мы оправдаем ваши усилия, и вам не придется за нас краснеть! Мы с честью пронесем сквозь всю жизнь кадетский флаг!

И тоска в сердце. И плачет душа. Свидимся ли? Кто первый поляжет на поле боя? Что ждет впереди? Что уготовит нам судьба? И расходимся, сжимая зубы. Мы кадеты, а кадеты не плачут, как бы ни было трудно и горько…

И расходимся под звуки нашего вальса, где уже называем себя офицерами:

Юноши в черном,
Девушки в белом.
Дым коромыслом,
Бал выпускной.
Стану сегодня,
Я офицером.
Мой Уссурийск,

Я прощаюсь с тобой…

1981 год.